

Камила Вальехо: «Надежда велика»

Чили, Сантьяго. Начиная с мая 2011 г. в Чили растет движение студентов и учащихся. По всей стране проходят уличные протесты, ассамблеи, с каждым разом проводится все больше объединенных акций учащихся и других социальных сил и групп. Изначальное требование — создание новой системы образования — сегодня превращается в борьбу против неолиберальной системы в целом.

23-летняя Камила Вальехо, студентка географического факультета Чилийского университета, стала заметной фигурой самого важного со времен возвращения демократии социального движения. Президент Федерации студентов чилийского университета, активистка организации Коммунистической молодежи рассказывает о целях и надеждах движения, о достигнутых успехах и трудностях, с которыми оно сталкивается сегодня.

— Что значит сегодня быть левым?

— Быть левым — это прежде всего понимать необходимость осуществления глубоких изменений нашего общества, его политико-экономической и культурной системы, являющихся целостной структурой. При этом требуется осознание того, что изменения могут стать возможными только в результате коллективных усилий, совместной организованной работы и единства. Кроме того, изменение общества должно быть направлено на обретение нашими народами настоящей независимости. В Чили, в частности, эта независимость состоит не только в возвращении стране ее природных ресурсов, но и в более справедливом перераспределении политической власти, в строительстве демократии более коллективной, с гораздо более высоким уровнем гражданского участия, что в свою очередь предполагает создание на государственном уровне механизмов, в рамках которых представители различных групп нашего гражданского общества смогут реально участвовать в принятии государственных решений и построении нашего общества. Это — основное условие для достижения большей социальной справедливости, необходимой при производстве и распределении не только материальных средств, но и развития культуры, образования. Все это

должно быть демократизировано. Я думаю, что это одна из главных задач сегодняшних левых.

— **Почему это движение возникло именно сейчас, через 23 года после окончания диктатуры? Почему должно было пройти столько времени? Так долго многим казалось, что в Чили ничего не происходит?**

— В Чили всегда что-то происходит, просто здесь научились скрывать это от мира, которому обычно говорилось, что мы — ягуары Латинской Америки, что мы образцовая страна с образцовой системой образования, что у нас достойная подражания стабильность политической власти, что у нас постоянный экономический рост, что мы побеждаем бедность. Но никто не замечал, как в стране накапливалось социальное недовольство — результат стольких эпизодов народной борьбы, закончившейся поражением.

В стране было много выступлений и движений, пусть не таких массовых, но важных, предлагавших обществу серьезные изменения, однако в рамках наших нынешних политических институтов эти требования замалчивались, игнорировались и никогда не были реализованы в механизмах власти, никогда не становились проектами законов. Поэтому накапливалось недовольство, связанное, разумеется, с моделью развития, сохранением и углублением в нашей стране социального неравенства. Страна успешно преодолевала нищету и крайнюю бедность, но неравенство между ее гражданами при этом постоянно увеличивалось, и люди начали понимать, что это — не часть законов природы, а логичный и неизбежный результат действующей социально-экономической системы, навязанный нам силой во время диктатуры. Поэтому мы считаем, что сегодняшний социальный взрыв — не случайность или неожиданность, а результат длительного накопления нерешенных проблем и опыта социальной борьбы прошлого.

— **Откуда такая симпатия и поддержка вашего движения со стороны многих людей и не только в Чили? Ожидали ли вы чего-то подобного в начале выступлений?**

— Я думаю, что мы затронули основы системы, что и позволило коснуться остальных важных тем. Потому что это не корпоративная борьба за интересы ограниченной группы или выступления, направленные на решение чисто студенческих проблем. Темы и проблемы, которые были подняты, нерешены, они касаются всего общества. Речь идет об интересах не только нынешнего, но и будущих поколений. Именно это вызвало симпатии. Но есть еще другое, более важное: пробудились сознание и совесть многих из тех, кто раньше боролся за свои идеалы, а потом от страха или усталости перестал, ко многим вернулась надежда. Я думаю, что главное богатство движения — именно в тесной связи его главных требований с проблемами большинства в нашем обществе, в его направленности на саму суть, в его последовательности, в том, что оно будит сознание. Полагаю, что мы не отступили не из-за упрямства или негибкости, как любит говорить правительство, а из чувства ответственности перед тем, что является для нас вопросами этики и морали, потому что мы совершенно убеждены

в справедливости нашей борьбы. Думаю, что, наверное, именно это обеспечило нашему движению такую поддержку.

— **Каковы главные опасения и надежды этого движения после стольких месяцев противостояния?**

— Надежда велика, потому что все увидели, что Чили уже не та, что была раньше, и это движение может послужить толчком к изменению сознания нашего общества. Конечно, этого пока не наступило, но нечто подобное уже зарождается, в результате чего могут начаться процессы строительства общества, на этот раз намного более связанные с реальной социальной базой, что позволит воссоздать общественную ткань, разрушенную во времена диктатуры.

Главное опасение и наибольший риск движения, по нашему мнению, состоит в том, что этот процесс останется в одной-единственной плоскости, в рамках только студенческих требований, что мы окажемся изолированными от остальных социальных сил, и в этом случае все закончится провалом. Тогда всеобщее разочарование будет слишком велико, пропорционально надеждам, которые разбудило это движение и привело бы к продолжительному социальному откату. Нам еще необходимо научиться искусству тактического отступления для накопления сил и пересмотра стратегии в то время, как правительство бездействует. Думаю, в этом — наша главная проблема и риск. О подобных ситуациях говорил не только Ленин, но и другие интеллектуалы первого плана. Социальная борьба — процесс не линейный, нельзя только давить и давить, время от времени надо прощупывать пульс этого процесса, чтобы в определенный момент отступить, реорганизовать силы и после этого перейти в новое наступление. Я думаю, этому мы еще не научились.

— **Какое место в повседневной жизни чилийской молодежи занимают технологии? Какую роль играют социальные сети?**

— Это важный элемент быстрого распространения информации, приглашения на наши акции, и в этом отношении он оказался очень полезен. Но говорить, что социальные сети стали определяющим фактором широты и массовости нашего движения — неверно. Это движение — результат организационной и очень личностной работы. Оно не возникло благодаря социальным сетям, его построение и развитие началось много лет назад, и сегодняшний результат — это продукт накопления и созревания различных

политических сил и их способности к взаимодействию. Роль социальных сетей заключается не в создании, а в ускорении этого движения, его создание — итог долгой персональной работы наших товарищей, что никак не отображено ни в «Facebook», ни в Интернете, ни в «Twitter».

— **Каково участие в студенческих выступлениях индейского народа мапуче?**

— Народ мапуче является, хотя и не основным, но активным участником этого процесса. И не только из-за того, что его историческое требование возвращения отобранных земель намного старше наших требований, но и потому, что проблема системы образования оказывается намного более сложной, чем нам казалось прежде. Мы стараемся вместе размышлять над тем, какое нужно давать образование, как следует формировать личность. Именно через процесс образования необходимо научиться уважать различные культуры и народы и понимать, что народ мапуче отличается от чилийского, он — другой. И поэтому проект системы образования, который, по нашему мнению, следует создать в будущем, должен включать в себя реалии мира мапуче: его историю, развитие, видение общества и будущего, его взаимодействия с окружающей средой. Все это мы должны не только суметь интегрировать в новую систему образования, нам надо многому научиться у мапуче. В этом смысле очень важным оказалось вступление Федерации студентов мапуче в Конфедерацию чилийских студентов; это позволило нам пересмотреть данную часть нашего проекта образования.

— **Какова роль прессы и журналистов в этом процессе?**

— Пресса является фактической властью. Чилийская пресса находится под контролем крупных экономических групп и, разумеется, почти все время работает в интересах правительства. Все мы хорошо знаем, чья власть стоит за крупными средствами информации. В этом смысле, по крайней мере в начале процесса, пресса очень позитивно формировала общественное мнение по отношению к нам, просто потому что тогда ей не оставалось ничего другого, ибо выступления были слишком массовыми, очень изобретательными, разнообразными, веселыми. В этом случае роль СМИ должна была оказаться намного более объективной. Тем не менее, по мере развития конфликта, когда стало понятно, что с этим правительством ничего решить не удастся, СМИ заметно изменили свою позицию: с целью оттолкнуть общественное мнение от студенческого и других социальных движений их нынешний взгляд сосредоточен на предполагаемой преступности, беспорядках, насилии, на необходимости принятия жестких мер по наведению порядка, на криминализации всех социальных протестов. В этом случае средства массовой информации откровенно работают в интересах системы и служат для воспроизведения одного-единственного мнения — мнения доминирующего, мнения власти, отражающего взгляд нынешнего правительства и его самого реакционного крыла.

Другое дело — альтернативные СМИ и локальные каналы радио. Они играют все более заметную роль по мере роста потребности населения в более объ-

ективной информации о происходящем. Они намного более объективны и в большинстве случаев симпатизируют студенческому движению.

— **В какой момент вы почувствовали, что у этого движения будет такая большая поддержка?**

— На самом деле для всех нас это оказалось неожиданностью. На первой демонстрации мы ожидали не более 3 тыс. человек, а пришли около 10 тыс.; это был первый сюрприз. Потом были вторая, третья и последующие демонстрации, и поддержка росла, но мы не переставали удивляться этому. На каждую новую демонстрацию приходили все больше людей.

И в какой-то момент мы подумали: кажется, произошел качественный скачок. Мы всегда понимали, что наши требования должны исходить из чего-то очень простого, понятного и конкретного: задолженности семей студентов, проблемы финансирования их учебы и т.п. Постепенно мы перешли от этого к предложениям политического характера, к теме необходимости создания новой системы образования, что в свою очередь напрямую связано с вопросами политическими и социальными — отвержением самой модели развития, существующей в Чили. И мы начали замечать, что наши требования на самом деле касаются далеко не только сферы образования, что это системная проблема, что практически все сферы и отрасли являются жертвами этой модели развития, которая воспроизводит неравенство и несправедливость и не гарантирует соблюдения основных прав граждан.

В определенный момент мы поняли, что движение действительно совершило качественный скачок, и здесь уже под вопрос ставится не только качество нашего образования, но и качество нашей демократии, демократии «хромой», слабой, требующей множества ограничений и табу. Одновременно с признанием этого в движении начинает участвовать множество других организаций и отраслей, в чем и состоит наша основная сила. В него влились трудящиеся, жители бедных окраин, организации экологов, сексуальных меньшинств и т.д.

— **Однажды, говоря об официальных левых партиях Мексики, субкоманданте Маркос назвал их «левой рукой правых». Это определение подошло бы сегодняшнему Объединению партий за демократию*?**

— Да, конечно. В конце концов «Concertación» — это не более чем другая разновидность правых. На самом деле в Чили никогда не было социал-демократии. В процессе перехода к демократии мы так к ней никогда и не перешли, это как бесконечный процесс перехода от чего-то к чему-то, который так ничем и не заканчивается. Но главное, это было администрирование модели, навязанной диктатурой, и, находясь столько лет у власти,

* Объединение партий за демократию — Concertación — левоцентристский блок социалистов и христианских демократов, правивший в Чили после диктатуры и до последних выборов, на которых победили правые, и в значительной степени сохранивший неолиберальную модель, навязанную Чили при диктатуре. (Прим. перев.)

наши правители никогда не попытались всерьез изменить ее, несмотря на то, что у них были все возможности и необходимый кворум для структурных изменений. Они удобно устроились внутри неолиберальной экономической модели и имели немало привилегий, в том числе в сфере образования.

У «Concertación» конфликт интересов. У него есть собственные школы, университеты и пр. И поэтому вся критика и недоверие со стороны молодежи и общества в целом в адрес «Concertación» совершенно оправданы. Оно должно или взять на себя ответственность за все, что было им сделано и не сделано, и превратить эту ответственность в политический капитал или же продолжать заниматься политическим оппортунизмом. «Concertación» необходимы сегодня скромность и очень серьезная самокритика.

— **Камила, где ты была и чем занималась во время «революции пингинов», и что ты сегодня об этом думаешь?**

— Во время «революции пингинов» я была на первом курсе университета, и, конечно, как и всех, меня она впечатлила, поразила своей масштабностью. Хотя продолжались эти выступления совсем недолго.

По моему мнению, тогда был упущен шанс объединиться с другими силами. Я думаю, что школьники хотели играть ведущую роль. Для сохранения этого протагонизма они решили не допустить в свое движение другие силы, они хотели, чтобы студенты их поддержали, но не становились частью их движения. Поэтому они выступали как изолированная сила. Возможно, такая логика на тот момент была вполне оправдана и необходима, им хотелось избежать смешения целей, сконцентрировать усилия на главном требовании и не дать никому возможности использовать их движение. Реальная возможность углубления и расширения этого движения появилась, когда начались переговоры его представителей с Комиссией советников президента, но движение не было подготовлено, соотношение сил в Комиссии было явно не в его пользу, и все закончилось быстрым предательством школьников со стороны профессиональных политиков, что привело к огромному разочарованию и явилось скоростижным концом движения. С другой стороны, это послужило для нас ценнейшим опытом для пересмотра ряда моментов, нам необходимо учитывать их, чтобы избежать подобной ловушки. Отчасти поэтому наше движение продолжается уже столько времени, и никому до сих пор не удалось им манипулировать.

— **Когда выступления чилийских студентов только начинались, пресса, которая еще даже не научилась правильно писать твою фамилию, немедленно окрестила тебя «лидером» этого движения. Но в наши дни, после разрушения «реальных социализмов», которые видимо или не были столь реальны, или не были столь «социализмами», люди, и особенно молодежь, не хотят больше ни вождей, ни лидеров, ни просветленных авангардов. Сегодня нам необходимо срочно пересмотреть тему власти не только снаружи, но и внутри наших движений. Что ты об этом думаешь? Ты чувствуешь себя лидером, руководителем, координатором, представителем?**

— Я думаю, что наше нынешнее место — случайность истории. Я не считаю, что кто-то из нас прирожденный лидер, просто жизненные обстоятельства поставили меня на это место, на котором вполне мог быть кто-то другой. Так сложилось, что руководителями в этот момент оказались мы. Это движение — результат большой коллективной работы, и не столько тех, кто более заметен, сколько всех тех, кто каждый день его строит. И дело не только и не столько в выходе на демонстрации, сколько в создании этого движения, начиная с ассамблей, координации с другими организациями, и в этом смысле я разделяю такую идею: право принятия решений и реальная власть должны быть сконцентрированы не у руководства, а у большинства рядовых участников нашего движения. И это — еще одна из стоящих перед нами задач, потому что у нас сегодня нет механизма отзыва избранных руководителей в случае невыполнения ими своих обязательств, то есть сохраняется старая порочная схема. Эта проблема пока недостаточно осознана, но уже есть первые сдвиги, уже появляется все больше желания брать на себя ответственность, этого «мы готовы отвечать за то, чего требуем», и еще есть понимание того, что борьба предстоит долгая.

Мы не выдаем лицензию на перемены тем, кого каждые четыре года избирают предположительно для осуществления требуемых перемен в обществе, мы сами берем на себя ответственность за то, чтобы это стало реальностью. Но я думаю, что в мире (не только в Чили) до сих пор еще много тех, кто испытывает потребность в лидерах и вождах, этих героях, возглавляющих важные исторические процессы. Мне кажется, что это следует пересмотреть и суметь настоять на том, что власть и руководство должны осуществляться коллективно. Это мне представляется очень важным, и в целом в Чили наш процесс так и развивается, хотя средства информации всегда стремятся к персонификации.

— **За последние месяцы ты стала очень известной личностью и вызываешь симпатии у людей не только в Чили, но и далеко за ее пределами. Некоторые утверждают, что власть и слава обычно меняют человека. Каков твой опыт в этом? Ты сильно изменилась?**

— Не знаю, остается ли у меня время на то, чтобы болеть звездной болезнью. До сих пор мне непросто осознать масштаб и влияние нашего движения на людей. Многие привыкли рассуждать обо всем, начиная со слов «я, мне, меня»... Но я, кажется, пока вовсе не отрываюсь от земли...

— **Когда слушаешь профессиональных политиков, самое распространенное слово — «я».**

— В среде профессиональных политиков — да, но если говорить о нашем движении, думаю, что нет. Нам удалось уравновесить эту ситуацию, и мы стараемся быть внимательны к этой теме. Важно подчеркнуть то, что, когда мы выступаем на разных форумах и собраниях, и люди аплодируют, мы всегда помним, что эти аплодисменты не для нас, они для наших товарищей, которые их заслужили. Мы часто говорим перед камерами, микрофонами и мелькаем в СМИ, но мы стараемся это делать от имени тех, кто обычно невидим, тех, без кого все это было бы невозможно. Основа и опо-

ра нашего движения — студенты, трудящиеся, учителя и преподаватели, занимающиеся его строительством каждый день. Мы это прекрасно понимаем, что нам очень помогает не отвлекаться на аплодисменты и не забывать о нашем реальном месте.

— **Камила, какие фигуры из чилийской и латиноамериканской истории и культуры вызывают у тебя наибольшее уважение?**

— Может быть, это культурное влияние моей партии, но мне кажется, что совершенно не обязательно быть коммунистом, чтобы восхищаться Виолетой Паррой, Виктором Хара и Сальвадором Альенде, любить их. Они для меня особенно дороги как труженики культуры и в то же время активные участники проекта строительства нового общества, социальных изменений для большинства, ради чего они отдали все. Есть и другие, их предшественники, например Луис Эмилио Рекабаррен. В Латинской Америке это такие интеллектуалы, как Хосе Карлос Мариатеги, Эдуардо Галеано.

— **Что бы ты хотела сказать молодежи Латинской Америки?**

— Прежде всего, большое спасибо мексиканцам за пример борьбы. Именно они, студенты Мексиканского национального университета, впервые показали нам, что эта борьба возможна, и этот пример нас очень обнадеживает. А молодежи Латинской Америки в целом — не бояться брать на себя ответственность за процессы, которые начинаются на континенте. Укреплять наши организации, созданные потом, кровью и слезами многих поколений, хранить и беречь их как наше наследство и в то же время как основной инструмент для строительства лучшего общества. Несмотря на все наши различия, всегда сохранять единство. Во всех наших странах много разных левых сил, поэтому нам необходимо научиться единству. Враг у нас один, и он не внутри. И, с другой стороны, важно помнить, что преобразование всего общества осуществляется не только студентами; необходимо опираться и на трудящихся, и на наши семьи, научиться создавать успешные коммуникационные стратегии. Часто нам кажется, что все могут понять наши идеи, но это не так. Надо искать самые простые, доступные и понятные слова, чтобы их мог услышать и бедный, и малограмотный слушатель. Но при этом важно не растерять смысл, который мы хотим донести. Такая вот рекомендация... и вперед! Потому что эта борьба — борьба не только чилийцев, но всех студентов и всей молодежи народов мира, это борьба за человеческое достоинство, за наши права и за более гуманное общество.

Беседу вел независимый журналист и переводчик
ОЛЕГ ЯСИНСКИЙ (yasinsky.oleg@gmail.com)